

# НАША СТРАНА

Год издания 38-ой. Буэнос Айрес, суббота 5 октября 1985

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires sábado 5 de octubre de 1985 No. 1836

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

## ВОЙНА С ХИМЕРАМИ

Г. Померанц, изобильно печатающийся за границей левый диссидент, яростно атакует все время Россию и русских, особенно неистовствуя против дореволюционной России. Казалось бы, зачем же, раз ее нет? Но враги часто видят яснее друзей (сколько зарубежных монархистов думают и вздыхают лишь о прошлом!); он чувствует возможность и вероятность ее возрождения, и желает таковому во что бы то ни стало помешать.

Его основной тезис тот, что мол Российская Империя ставила себе целью создание государства, где существовал бы только один язык, русский, и где все исповедовали бы одну религию, православие. Вот он и глумится, что будто бы большевики исполнили эту мечту; только вместо православия они утвердили марксизм (положим, большевики ничего подобного пока не добились; и даже не совсем ясно, добииваются ли).

Беда данной схемы (как, впрочем, и многих других построений Померанца), что она — совершенно ложная. Он сооружает картонный макет, сам называя его старой Россией, и затем победно его опрокидывает. Метод спора беспроигрышный... и бесполезный (не говоря уж о том, что нечестный). Кроме как для втирания очков людям вовсе наивным, а преимущественно тем, которые *хотят* быть обманутыми.

На деле, историческая Россия себе никогда подобных задач не ставила. Конечно, можно разыскать высказывания в таком роде у энтузиастов, чаще всего не имевших прямого отношения к правительству; иногда, допустим и у отдельных чиновных бюрократов или администраторов на местах. Против подобных тенденций боролся, например, остроумными стихами и горячими устными и письменными выступлениями, граф А. К. Толстой.

Но самый беглый взгляд убеждает, что реальная политика царской России была совсем иной. Мы не боролись ни с какой традиционной религией, в частности ни с Исламом, ни с буддизмом; наоборот, правительство им покровительствовало. Везде, где служители этих вероисповеданий желали и умели организовать свое преподавание, на своем языке, — им не препятствовали.

Казанские татары находились в орбите нашей монархии со времен Иоанна Грозного, и остались мусульманами, ничуть не сократившись в числе, не потеряв ни языка, ни обычаев; они, как факт, процветали. Не угнетались никак и крымские.

Тем более немислимо было бы преследовать магометанство после присоединения Кавказа и Средней Азии с многочисленным, компактным и преданным своим традициям населением!

Впрочем, никакого насильственного обрусения не практиковалось и в отношении финских племен Поволжья и Севера, православных по вере и близких к великороссам по

быту. Напротив, наши миссионеры выработали для них письменные языки, положившие начало их национальным литературам. Такова была разумная и гуманная установка нашего духовенства, начиная со времен просветителя зырян, Стефана Пермского.

Народы, достаточно жизнеспособные и энергичные, как якуты в Сибири, втягивали даже в свою орбиту живущих среди них русских, начинавших говорить на их языке в кругу семьи (о чем красочно писали Гончаров, Короленко и др.).

Не могут пожаловаться на царское правительство и латыши с эстонцами, при нем выковавшие свои национальные литературы; а ведь власти, если бы считали нужным, чрезвычайно легко нашли бы способ тому помешать.

Легко бы понять враждебность к племенам, как кавказские горцы, с которыми Россия вела долгие кровопролитные войны. И что же? Вместо того мы обнаруживаем восхищение перед ними, подлинный культ их нравов и их быта! Пушкин, Лермонтов, Марлинский, Л. Толстой, Неми-

рович-Данченко, — все, кто о них писал, писали с сочувствием и с уважением.

Да и о других народностях, вплоть до самых примитивных, — где мы найдем, у наших писателей, презрительное или отрицательное к ним отношение? Почти о каждой, поческав, встретишь отзывы, полные понимания и симпатии.

Удивительная вещь! Только теперь, только под пером новопривыкших из СССР диссидентов, мы видим, впервые, издевательские и уничижительные изображения лопарей или эскимосов (например, у Л. Друскина и у Ю. Гальперина), да и других мелких народностях России тоже.

Наша Империя, в прямой противоположности фантазиям Померанца, всегда гордилась своим многообразием. Не зря имп. Николай Первый сказал когда-то иностранцу, на придворном балу в ответ на вопрос, что такое Россия: "Во!" стоит грузин, там татарин, тут русский; все они вместе и есть Россия".

Ссылаться на то, что школы и университеты царского времени функционировали на русском языке,

а не на местных, было бы недобросовестно: тоже само было тогда (в основном, остается и посейчас) во всей Европе. И дело образования просто не было тогда достаточно организовано, чтобы можно было ввести в оборот иные языки, кроме русского; как бы развивалась дальше, без революции, никто не в состоянии теперь угадать.

Померанца-то, на самом деле, наверное, интересует только судьба еврейства. Но и с ним, никак нельзя взвалить на русское правительство обвинение в принудительной денационализации. Если на что жаловаться, то разве что на то, что мол правительство не содействовало ассимиляции, выходу из черты оседлости и т. п. А это уже — совсем другое дело!

Какие комплексы, сознательные и бессознательные, лежат в основе ненависти к нам Померанца, мы не знаем: он нам откровенно не рассказывает. Но валить на старую Россию грехи, которых у нее решительно и в помине не было, как насильственную русификацию инородцев, — этого ему не следовало; ибо это — шулерская игра крапленными картами.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

## Война в Афганистане

### О РУССКИХ ПЛЕННЫХ

Об этом бы не заметки на полях, а кровью на плакатах: спасите русских пленных в Афганистане! Шестой год идет война в Афганистане, и к сожалению, наша собственная антисоветская автоцензура глушит все сообщения об отчаянном положении русских пленных в Афганистане. Даже в "Нашей Стране" (№ 1771) появилось весьма успокоительное афганское интервью, но то была проафганская пропаганда.

Однако, за последний год правда начала просачиваться в печать. Первой, по русской традиции, в щель прорвалась художественная литература. В израильском журнале "22" за октябрь 1984 года напечатан роман Михаила Федотова "Соотечественники". Роман и сам по себе хороший, и проафганский, и противосоветский, но вот какой отрывок неожиданно в нем появился:

"Play off мы видели на шоссе у Газни. По имени Саша Топорков из города Томска. Замечательная еще одна зловонная легенда залитая испражнениями. Наши афганские друзья обрубали ему руки до плеч и ноги чуть выше колен. И аккуратно перетянули культи голубеньким электрическим проводом. Lieutenant Sasha был еще в сознании. Чудного цвета. Как наша подруга с Ямайки. Видишь, я все помню. Даже число — двадцать четвертое июня тысяча девятьсот восемьдесят второго года от рождения Христа. Шоссе Газни-Кандагар. Мы его спустили по откосу к шоссе — это все, что можно было для него сделать. И потом еще долго не могли отмыться. У меня, кажется, еще до сих пор пахнут руки". ("22" № 38, стр. 79).

В ноябре 1984 года "Посев" послал корреспондентов в Афганистан. В марте 1985 года "Посев" опубликовал "Афганские зарисовки" Ю. Миллера и В. Рыбакова — результат бесед, которые они вели с пленными. Вот что там напечатано:

"Ничего афганцы не понимают. Хорошо, конечно, что в живых оставили. Как будто повезло. Говорю я им: если бы вы подумали как следует, да проявили бы благородство — брали бы в плен, не заставляли бы пленных переходить в мусульманство, старались бы спасти врагов, даже свободу им давать, дрались бы не против советских людей, — а против коммунизма, — был бы у вас тогда шанс повлиять на мир, на людей на Западе, на нас — 40-ю армию. А они не слушают, ненавистью ослеплены, режут нас, насилуют, морят голодом, издеваются. Есть среди них хорошие организации и люди, но они — капля. Некоторые пленные, особенно у Хезби, на цепи сидят, с ума сходят, г... свое жрут ..., пока не прибудут. Афганцы говорят, что мы не люди, раз мы арбуз не так, как положено, едим. Если не знаешь их обычаев, наказывают, бьют. Лепешку не так перевернул, собаку погладил, не так я галюн сходил. Даже если вылезу отсюда живым, все равно жизни больше не будет. Не понимают афганцы, как им нужна добрая слава среди наших солдат". ("Посев" № 3, 1985, стр. 30-31).

В июле 1985 года Дора Штурман пишет в "Обзрении": "Который год организации, занятые судьбой советских военнопленных в Афганистане, добиваются убежища

для единиц, в то время как просят его у демократических стран двести человек, пострадавших (пока что) афганцами". ("Обзрение" № 15, стр. 34).

Действительно, Комитет графа Толстого-Милославского не делает ничего, только публикует пустопорожние отчеты: "общий расход комитета за прошедшие полтора года — 6677 фт. ст."

... Говорят, что если бы в 1945 году нашлось два влиятельных русских журналиста, то русских пленных удалось бы спасти от выдачи Сталину, т. к. она была незаконной: даже в Ялтинском протоколе *насильственная* выдача не была предусмотрена...

Но сейчас русские не могут жаловаться, что у них нет газет и журналов. Если вал читательских писем затопит русские органы прессы, — быть может, они нарушат свою автоцензуру. И никакого выкупа за пленных даже не надо: ведь Запад помог афганцам; если страны Запада в обмен на помощь потребуют немедленно отдать им всех русских пленных, то афганцы, конечно, это сделают.

Но для этого нужно одно: кампания в печати, в том числе в иностранной, не эмигрантской, печати. Даже если "Русская Мысль" будет продолжать свое позорное молчание, есть и другие газеты, особенно "Новое Русское Слово". Если каждый читатель напишет письма в русскую и "иностранную" газеты своей страны, то жизнь двухсот наших мальчиков в Афганистане, может быть будет спасена.

А те газеты, что откажутся печатать — будут записаны в Историю.

Е. КАРМАЗИН



Б. ГАСАН

# ОТЦОВСКИМ МЕЧОМ

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,  
Средь военных трофеев и мирных костров,  
Жили книжные дети не знавшие битв  
Изнывая от мелких своих катастроф.

Детям вечно досажен их возраст и быт  
И дрались мы до ссадин, до смертных обид.  
Но одежды латали нам матери в срок,  
Мы же книги глотали, пьянея от строк.

Липли волосы нам на вспотевшие лбы  
И сосало под ложечкой сладко от фраз  
И кружил наши головы запах борьбы  
Со страниц пожелтевших слетая на нас

И пытались постичь мы, не знавшие бой,  
За воинственный клич принимавшие вой,  
Тайну слова "приказ", назначение границ,  
Смысл атаки и лягз боевых колесниц.

А в кипящих котлах прежних войн и смут,  
Столько пищи для маленьких наших мозгов.

Мы на роли предателей, трусов, нуд  
В детских играх своих назначали врагов.

И злодея следам не давали остыть  
И прекраснейших дам обещали любить,  
И друзей успокоив и ближних любя,  
Мы на роли героев вводили себя.

Только в грезы нельзя совсем убежать,  
Краткий век у забав: столько боли вокруг.  
Попытайся ладони у мертвых разжать  
И оружие принять из натруженных рук.

Испытай завладев еще теплым мечом  
И доспехи надев — что по чем, что по чем  
Разберись: кто ты? Трус, или избраннык  
судьбы?  
И попробуй на путь настоящей борьбы.

И когда рядом рухнет израненный друг  
И над первой потерей ты взвоешь скорбью  
И когда ты без кожи останешься вдруг  
Оттого, что убили его — не тебя,

Ты поймешь, что узнал, отличил, отыскал  
По оскалу забрал — это смерти оскал.  
Ложь и зло: погляди, как их лица грубы,  
И всегда позади воронье и гробы.

Если мясо с ножа ты не ел ни куска,  
Если, руки сложа, наблюдал свысока,  
А в борьбу не вступил с палачем, с подле  
цом,  
Значит в жизни ты был не причем, не  
причем.

Если путь прорубая отцовским мечом,  
Ты соленые слезы на ус намотал,  
Если в жарком бою испытал, что по чем,  
Значит нужные книги ты в детстве читал.

Владимир Высоцкий

...И "нужных" родителей в детстве имел.  
Родителей понимающих, что бессмертны души, это, в частности, и — дети.  
Мы бессмертны в наших детях. Мы не умрем, если у нас есть дети.  
Не умрет лучшее, что в нас есть. Если лучшие из тех мыслей, которые у нас накопились за жизнь, лучшие из чувств, которые у нас выработались, мы передадим ребенку.

Заметьте: только лучшие!  
Общезвестно, что для "успеха" в жизни очень важно уметь лгать.  
Однако мы не учим ребенка: "Лги умело". Мы говорим ему: "Люби правду!"

Горький опыт научил нас, что низкопоклонничать весьма выгодно.  
Однако, мы говорим ребенку: "Не будь подхалимом. Это гадко!"

Разве добро так уж выгодно, полезно, практично? Есть много дурного, скверного, гнусного, что приносит в здешней жизни гораздо больше пользы.  
Однако, мы непрактично учим ребенка добру, которое чаще всего очень вредит земным интересам человека, его борьбе за существование.

Быть изгнанником в иноверной, иноязычной стране — крест, и весьма

тяжелый. Гораздо легче вырасти швейцарцем, американцем или аргентинцем.  
Однако, всем неприятностям вопреки, мы напрягаем наши силы, чтоб связать любимого ребенка с несчастной судьбой самой несчастной страны на свете — России.

Зачем, почему?

А потому, что мы передаем своему ребенку только то, что есть в наших мыслях и сердцах самого лучшего, божественного и потому бессмертного.

Мы стремимся, чтоб лучшая часть нашей души жила в нашем ребенке. Ребенок, это — скульптура. И мы желаем вдохнуть в созданную нами статую живую душу — нашу душу. Чтоб она жила на свете после нашей смерти. У нас есть мечты, идеалы, грезы. Быть может, мы не доживем до их осуществления. Но наш ребенок, может быть, доживет. Не он, так его сын, которому он, в свою очередь, передаст нашу душу, вложенную в него.

И когда наш внук увидит осуществление того, о чем мечтали мы, и когда он скажет: "Мой дед мечтал об этом. Вот если бы старик увидел воскресшую Россию" — то это будет наша душа, которая его устами шепчет: "Ты не отпущаешь..."

Когда мы слышим, что про человека говорят: "Совсем его покойный отец. Та же душа!", то знаем, что отец не умер, хотя его и похоронили: он живет в своем сыне. И старики, помнящие отца, с радостью видят живую душу человека, которого они знали, узнают ее и улыбаются ей, как старой знакомой.

Человек, любящий Россию, хотел

бы, чтобы и сын обладал той же душой. Однако, для этого еще нужно и среда. Без среды вложенная душа все равно засохнет. А в условиях эмиграции кровеносные сосуды среды "загрязняются" с каждым днем все больше.

Национальное самосознание За-рубежья тускнеет. Один за другим, даже сильные люди, понемногу уходят в быт. Уходят в силу нужды, опускаются физически, уходят от сытости, опускаются морально. Иногда кажется, что не на что опереться, почва под ногами ускользает, как зыбкий песок, гаснет надежда. Эмиграция теряет веру в свой народ, в себя, в будущее. Все расплывается в холодном тумане беженских сумерек. Прошлое кажется только сплошной цепью ошибок; настоящее беспрочно светит своей басельностью; будущего, сдается, просто нет.

Но есть вещи, которые заставляют нас встрепенуться — даже тех из нас, кто готов был покорно идти ко дну. Заставляют сильнее заботиться сердце, откуда-то вдруг берутся новые силы.

Как при кораблекрушении, когда сотни тонут в одиночку, какой-нибудь волевой человек не только сумел взобраться на опрокинутую шлюпку, но и зажег на ней огонь. Из сплошной темноты возникает яркая точка, и к ней тянутся уставшие пловцы. Сильнее заработали руки, точно окрепли мышцы, и со всех сторон потянулись те, кто еще за мгновение до того, готов был погрузиться в пучину.

Во всероссийском масштабе такие маяки из плоти и крови зовутся

— Солженицын, Огурцов, Высоцкий...

В Южном же Америке назовем Организацию Российских Юных Разведчиков, руководимую Георгием Львовичем Лукиным. Поистине "воспитатель Божией милостью", он лучше, чем кто-нибудь, понимает роль и значение русской национальной молодежи в грядущих событиях. Лучше, чем кто-нибудь, он осознает, что наша обязанность здесь — готовить эмигрантскую молодежь к будущему служению там. Большая и упорная работа проводится им на полириче национально-антикоммунистического воспитания эмигрантского молодняка. Непрестанная и многогранная. Но чтоб оценить ее результаты, достаточно придти, к примеру, на ежегодное отмечаемое Организацией Юных Российских Разведчиков "День Памяти Верных".

Бодротью веет от каждого лица. Голоса проникнуты свежестью, молодостью, искренностью. Слышны простые слова, о которых эмиграция, быть может, и забыла. Имя, обстоятельство и дата смерти за Россию. Смерти в бою, в подвале, или на посту. Переключка. От Цесаревича Алексея и до недавно скончавшегося разведческого руководителя, ретившегося уже на Западе. Непрерывающаяся цепь верности России. Соприкосновение с живой душой корнилловцев, дроздовцев, корпусников, власовцев. И, на мгновение, мы уже не за границей. Великое чудо тоски по никогда не виденной родине перенесло всех туда... Из отдельных имен и дат построена величественная и страшная мозаика.

На фоне почти всеобщего мещанства и пессимизма, такие мероприятия русских разведчиков являются незаменимым тоническим средством. Они вливают кое-что в наш "фонд душевных сил". При распространяющемся безверии, при разнoblудии умов, при нашем историческом свойстве к раздорам и неспособности к слиянию во имя общей цели, такое — укрепляет уставших и отставших.

Перед нашим взором — русская национальная молодежь. Перед нами — та эмиграция, которая не спит, не интригует, не сплетничает, не злословит.

А какой готовностью "прорубить путь отцовским мечом" дышит ее заключительная походная песня:

Наша родина Россия  
Всех теперь к себе зовет,  
Аргентинская дружина  
Как один на бой пойдет.

Русь зовет, русь зовет!  
Идем, родная!  
Этот зов мы все ждали;  
Скоро, скоро засияет  
Свет спасения впереди.

Все вперед, все вперед,  
К родной отчизне,  
За любимый наш народ.  
Не жалейте, братья, жизни;  
Время лучшее идет.

Вот образец того, как неунывает эмигрантская молодежь в Буэнос Айресе. Ее не страшит поход за Россию. Она готова на жертву. Она читает "нужные книги" и слушает нужные голоса. Душа царской и белой России живет на далекой южноамериканской земле.

Б. ГАСАН



Русский рабочий: — Ну, что? Сбросим?

Русский интеллигент: — Шибко хочется! Вот только подберем момент...



# ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

## БЛАГОДАРНОСТЬ К. А. АСЕЕВУ

Прошу поместить мою благодарность Красному Кресту (старой организации), существующей с 1932 года, здесь, в Аргентине, который возглавляет наш Русский патриот Константин Антонович Асеев. От этого Красного Креста, наши русские люди, которые нуждаются, получают помощь. Хотя эта помощь невелика, но это все же помощь. Она, нуждающихся в тяжкую минуту, просто спасает. И вот я, от имени всех тех, кто получает эту посильную помощь, решила поблагодарить К. А. Асеева, за его заботу и хлопоты о нас.

А. Иванова (Аргентина)

## ВЫВИХНУТЫЕ МОЗГИ

Прошу внести следующее добавление к моему письму о "Бесовских кругах" № 1830 "Нашей Страны". Это письмо составлено из выдержек из книги И. Л. Солоневича "Диктатура импотентов".

И. Л. Солоневич говорит: "Я обучался в Санкт-Петербургском университете. Нас обучали по преимуществу марксизму... Все что нам преподавалось было основано на германской философии истории, истории философии и истории философии и права, философии морали..." ("Диктатура слон", стр. 28). Профессора Туган-Барановского, например, И. Л. Солоневич хотел бы судить за вывихнутые мозги, неуразумевшие сути социализма и за исковерканные жизни...

"Новое Русское Слово" сообщает, что американский консерватор Рид Ирвин, объявил о создании организации "за точность в средствах массовой информации", попавших под руководство марксистов и "за точность в университетах". Он предлагает публиковать в газетах и журналах списки университетов, преподавательский состав которых заражен марксизмом, а также списки "заболевших" (вирусом марксизма) преподавателей, ибо этой заразой озабочены уже много лет люди, старающиеся сохранить здоровье Америки. Так что, может быть, Бог даст, Америка начнет судить профессоров вывихивающих молодые мозги и дело не дойдет до исковерканных жизней!

"Диктатура импотентов" (стр. 107) утверждает, что "социализм без тоталитарного режима есть такая же логическая нелепица, как прокладительный кипиток, сапог всмятку или бескровная революция". Ибо вера в Бога насаждается на добровольных началах, а вера в материализм в добровольности не нужда-

ется, ибо это есть "диктатура пролетариата", непризнающая никакой свободы конкуренции. Марксисты считают, что человек живет только на земле. Отсюда и комсомольские плевки в небо.

Лидия Соломахо (США)

## ЦВЕТ ПУБЛИЦИСТИКИ

Нефедов, Моисеев, Барат-Баранов, таинственный "И. А."... А другие? Цвет современной русской публицистики! Русский дух, темперамент, честность, красивый слог. Имея в активе столь блистательную плеяду соратников, редакция не имеет права сетовать на судьбу. С такими людьми увеличение размеров газеты не приведет к ухудшению ее содержания. Остается надеяться, чтобы желаемое стало действительным и лучшие русские публицисты могли иметь на страницах "Нашей Страны" достаточно простора для своих мыслей. От этого всем друзьям России станет легче, а недругам — плохо.

В. Георгиев (США)

## НАДО ЛИ БЫТЬ ДОВОЛЬНЫМ?

В "Нашей Стране" № 1830, Н. Нефедов резко порицает С. Довлатова за слова: "Честно говоря, мы не скрываем неудовлетворенность русской прессой в Америке". Не знаю, чем именно недоволен Довлатов; Нефедов об этом не сообщает.

Но хорошо помню, что русской зарубежной прессой был решительно неудовлетворен, в свое время, И. Л. Солоневич; что его и побудило издавать свою собственную газету, сперва в Болгарии, а потом в Аргентине. Он ведь даже критиковал русскую печать (и вообще русские организации) как "Клуб взаимного обожания".

Да и чем же быть довольным (в частности, в наши-то дни)?! В Соединенных Штатах нет ни одной монархической газеты на родном языке; как нету таковых, впрочем, и в Европе. "Наша Страна" сейчас, увы! — единственная в мире. Пост почетный, но и тяжелый. Пожелаем ей нести стойко свою вахту и далее, вплоть до освобождения России!

С. Довлатов недоволен, вероятно, по иным соображениям. Но это ведь его право. И то сказать: с технической стороны, со стороны грамотности, — что уж и говорить талантливости! — русская пресса в США опять же стоит совсем, совсем не на высоте...

Е. Веденеева (Бельгия)

# БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Окуджава. "Свидание с Бонапартом" (Москва, 1985).

Обращаясь к теме Отечественной Войны, — настоящей, 1812 года, а не псевдоотечественной недавней, — автор явно старается воспроизвести язык эпохи. Иногда это ему неплохо и удается. Но рядом, — какие досадные срывы! Например, многократно употребляется конструкция в адрес: "Я услышал комплименты в свой адрес"; "Проклятия в адрес французов"; "Из всей злобешней габарщины, услышанной мной в свой адрес, я ничего не запомнил". Между тем, сей безграмотный и нелепый оборот возник только после Второй мировой войны, и лишь в наше время санкционирован свыше советской властью как обязательный. Даже нам, доновой эмиграции, равно первой и второй волны он нестерпимо режет слух. Люди начала 19-го века, как и мы все, говорили и писали: по адресу. Точно также, генерал Опочинин или его современник не сказали бы Холборн вместо Голборн; твердое л в иностранных фамилиях характерная черта 3-ей волны и людей, живущих в СССР (либо тех, кто им нарочно подражает). Да и слово *умелец*, если не ошибаемся, создано (по крайней мере, в речи интеллигенции) уже во сталинские времена.

Переходя от формы к содержанию, можно удивляться, как Окуджава сумел, — и порадоваться, что он сумел, — протащить через цензуру вещь, совершенно свободную от советской пропаганды. С опасением ищешь в ней излюбленного диссидента метода *аллюзии*; но, слава Богу, и его не находишь. Если намеки и параллели имеются, они приглушены. Надо ли видеть в Наполеоне, ставшем из народного вождя тираном намек на Сталина? Или в указаниях на строгую дисциплину русских и индивидуализм французов некую апологию большевизма? Наверяд ли. Вот в отступлениях сперва и победно марше по Европе потом можно бы видеть сходство судеб русских войск тогда и теперь. Но какая и разница! И ее автор не скрывает и не маскирует.

Зато, пользуясь прямой речью персонажей, какие одиозные для коммунизма истины тут высказываются! Да и в описании фактов мы не встречаем, как полагалось по сусальному большевистскому канону, добродетельных крестьян и злых помещиков. Крепостные тут есть и верно-преданные, и бунтовщики; дворяне же — патриоты, отдающие жизнь за родину, вольнодумцы, терзающиеся социальной несправедливостью (причем эти их терзания никак не идеализируются) и, во всяком случае, в основном, — близкие и понятные читателю мыслящие личности.

Неприятной же для твердокаменных марксистов правды поведана уйма. Об Екатерине Великой: "Императрица была прозорлива, старуха была мудра, утверждая, что в конце концов французы сами себе отрубят голову. Она знала больше, чем все мы". Об Александре Первом: "Судьбе было угодно доверить ему наше спасение и он оказался на высоте". О Николае Первом: "Молодой государь, проявивший чудеса храбрости и хладнокровия". Даже для Павла Первого нашлись добрые слова: "Он был отнюдь не дурным человеком". Тогда как о Французской Революции упоминается так: "Тиранства не было, оно пришло вместе с кровью, а воз-

любленные истины оказались плодом невежества"; "Хорош рай в обнимку с гильотиной!"; "Рабов следует освободить, но для этого не надо гильотинировать королей".

Что до предмета самого романа, остается отчего-то впечатление, что главные герои, капризная, взбаломощная Барвара Волкова и демонический, холодный, неотразимый для женских сердец Свечин, меньше удались, вышли менее живыми и яркими чем брали коренные военные, генерал Опочинин и полковник Прякин, или даже близившийся к декабристам, но вовремя от них отошедший племянник Опочинина, Тимоша; чем полюбившая всей душой Россию французская певица Луиза Бигар; или даже чем вращающиеся вокруг Волковой ее тетушка Аполлинария Тихоновна, ее дочь Лиза, ее горничная Дуля и на все готовый для своей барыни Игнат.

В целом, новый роман несомненно есть большая удача для писателя и далеко превосходит его первый роман о декабристах, "Бедный Абросимов".

В. Каверин. "Письменный стол" (Москва, 1985).

Вениамин Каверин всегда принадлежал к числу наиболее порядочных и либеральных подсоветских писателей, наряду с К. Паустовским и К. Чуковским, которых он тепло помнит в этих своих воспоминаниях. В книге мы чувствуем ту меру искренности, какая возможна при большевистском режиме. Сколь ошущима разница по сравнению с относительно недавно увидевшими свет мемуарами В. Катаева "Алмазный мой венец"! О них Каверин мимоходом уточняет, что они абсолютно не заслуживают доверия...

Сам же он старается говорить правду, но увы! прирывается все время прибегать к недомолкам. Отзываясь с восхищением о выдающемся лингвисте Е. Поливанове, с дружеской симпатией о писателе С. Колбасеве, он не имеет возможности прямо сказать, что они были расстреляны. Очерк о Колбасеве, он заканчивает, вместо того, о значительной фразой: "Но судьба решила иначе..." Что судьба, в данном случае, носила чекистскую форму, мы знаем из других источников.

О Поливанове же, Каверин скупо констатирует, что ученые, издавая теперь его специальные труды, многие должны признать потерянными, и не в состоянии даже найти его портрет для публикации...

Так и преследования, которым подвергались М. Зощенко, А. Ахматова, Н. Заболоцкий, отмечаются тут только короткими горькими намеками.

Много интересных подробностей мы находим здесь о Ю. Тынянове, с кем Каверин был связан двойным свойством, об И. Андроникове; кое что о Твардовском, о Фадееве, о Пастернаке; мало, к сожалению, о литературной группе "Серапионовы братья", в коей Каверин в 20-е годы состоял.

В целом, надо быть благодарным старому писателю за кусочки правды, какие он нам сообщает. Несомненно, будь у него руки развязаны, он бы рассказал больше, а дорою — и совсем иное. Но для того было бы нужно или чтобы он покинул Россию, или чтобы в ней строй изменился. Пока этого нет, — постараемся быть довольными и тем, что он нам дает.

Владимир Рудинский

## Из редакционной почты

### НАДЕЖДА НА АВСТРАЛИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ

...Не все письма доходят в Австралию. Возможно, это здешняя почта теряет, ибо социалистическое отношение к работе процветает при "рабочем" правительстве. Даст Бог в следующие выборы придут к власти консерваторы, ибо народ еще здесь серьезный, да и подросла молодежь правых взглядов, благодаря большому количеству приехавших сюда 36 лет тому назад европейских антикоммунистов, много здесь поработавших и создавших хорошее поколение. "Господи! Спаси Австралию!" — сказал один из уходивших в отставку здешних консерваторов. Дай-то, Боже!...



Е. КАРМАЗИН

# Израильская цензура и «Русская Мысль»

## 3. КОРЖАВИН И ТРЭППЭР

Пламенными сторонниками цензуры на сообщения об Израиле являются многие авторы "Русской Мысли". Вот, например, Наум Коржавин заявляет: "Я и сам не поехал в Израиль — при всех моих симпатиях к нему. Осуждаю я только тех, кто распространяет про него пакости" ("Р. М." 1-9-83). Но "неоменклатурные" читатели к такой цензуре относятся с отвращением: "Израильскую пропаганду многие в СССР именуют не иначе, как "сладкие сопли". То же касается русскоязычных журналов и газет, изображающих Израиль исключительно в розовых тонах. Перед нами — агитка, целенаправленная пропаганда, очень похожая на советскую, только с обратным знаком". ("22" № 38, стр. 149).

Не лакировал Израиль и Леопольд Трэппэр, шеф "Красного оркестра", подпольной антигитлеровской организации. Как рассказывает его сын Др Э. Бройде-Трэппэр, "Л. Трэппэр заметил, что социалисты, придя к власти в Израиле, стали самоуверенными и циничными, словно советская номенклатура. Трэппэр пробовал их переиграть, а на это ушло последнее здоровье. Сыновья Трэппэра предпочитали ясно и недвусмысленно отмеиваться от всего, что попахивало социализмом. Отец отвечал им, что он лучше знает врагов, и это было правдой. В своей книге "Большая игра" он боялся перегнуть палку, решил пока спустить на тормозах. Ему хотелось выиграть время, лучше познакомиться с послевоенным Западом, которого он не знал. А потом, когда он уже все знал и хотел "выстрелить из пушки", то пришла болезнь... И Трэппэр напрасно уцепился за "еврейскую карту" — так он переиграл сам себя, поэтому, умирая, все надеялся успеть сказать что-то очень сильное, чего не сделал в свое время в книге". (Д. А. Антонов, "Воля", Германия, 1984, стр. 163-167).

Примерно тоже пишет израильский журнал "22": "На выборах 1977 года в Израиле произошла смена власти, но не смена режима" (№ 35, 1984, стр. 102). "Реальная власть у нас все еще находится в руках социалистической партии" (там же, стр. 126). Так что напрасно писатель Амос Оз жаловался в "Нью Йорк Таймсе", что дальнейшее "строительство сионистской социалистической утопии было сорвано". (там же, стр. 134). Тем более теперь, когда выборы 1984 года окончились вничью и коалиционное правительство возглавили социалисты. Как удачно сказал в другой своей книге Д. Антонов, "Теперь мы на своей исторической родине построим социализм с таким национально чистым лицом, что все попнут от зависти". ("1988", Германия, 1984, стр. 67).

Другой сторонник цензуры, художник Арон Априль (из Литвы) жалуется, что "информацию по всему свету разносят те, кто покинул или собирается покинуть Израиль" ("Р. М." 21-6-84). Бесплезно было бы напоминать таким идеологам, что покинувших — 600 тысяч (15% населения), но возможно, что именно о

подобных "цензорах" сказано в журнале "22": "Часть пошла в служебные партии и правительственным инстанциям" (Э. Финкельштейн, "22" № 38, стр. 152).

Посмотрим, однако, что говорят те, кто не покинул Израиль. Вот например: "Идеологический и политический застой 1967-73 годов, замаскированный успехами и кажущейся силой, ярко воплотился в Голде Меир". ("22" № 35, стр. 97). А вот что думают коренные жители (не эмигранты из СССР): "Газета города Кирьят-Шмона писала о кибуцниках, как о кровососах, живущих соками нашего народа" ("22" № 35, стр. 138). Идеологи и цензоры, пожалуй, объявят и это "пакостью", поэтому сошлемся на бесспорный для них авторитет: "В сентябре 1981 года М. Бегин заявил, что кибуцники — это наглые миллионеры, наслаждающиеся в своих плавательных бассейнах" (там же). Справится с социалистами Бегин не мог, так как они, вышибленные народом из правительства, остались в профсоюзах. "Федерация профсоюзов превратилась в гигантскую (27% израильской экономики) экономическую и финансовую империю" (там же). Эта социалистическая империя через профсоюзы управляет и всеми остальными государственными и частными учреждениями в Израиле.

Приведем далее мнение генерала Бени Пеледа, бывшего командующего ВВС Израиля. С солдатской грубостью и прямотой, генерал пишет: "Если соглашаются играть по правилам (еврейской общины), значит — соглашаются идти в публичный дом. Проходит немного времени, и решают, что стоит войти в его директорат. Еврейская община органически не способна функционировать, как государство. У нее могут быть все символы государства, и армия, и флаг, но государством она от этого не станет. Неспособна думать". ("22" № 30, стр. 121). Быть может, генерал несколько преувеличивает, но вот что рассказывает Д. Антонов: "По социалистическому планированию, горских евреев поселили, вопреки их желанию, в пустынной местности. А вот бухарских евреев, хотевших там жить, поселили в горной местности. Зачем? Говорят, — для перевоспитания! Здоровый израильский патриотизм — радуйся тому, что дают!" ("Воля", Германия, "Чеховград", 1984, стр. 155). Сообщим заодно о результатах "научного института для эмигрантов из СССР" о котором торжественно сообщал Майкл Скэмелл в "Континенте" (см. "Н. С." 1743): "Уже известен печальный конец попытки устроить "русский" научный центр в Цфате". ("22" № 40, стр. 222).

Очень характерно цензура видна в рецензиях Германа Андреева в "Русской Мысли". В "Н. С." № 1743 мы цитировали высказывание Гиллеля Галкина в статье "Колесо истории": "Может ли оказаться, что и это еврейское государство является лишь еще одной временной остановкой вращающегося колеса, что неминуемо продолжит свои обороты, словно погоняемое некой дьявольской силой". ("22" № 29, стр. 131). Так вот, Г. Андреев в "Р. М." от

12-1-84 посвятил этой статье 26 (1) строк, но ни одним словом не обмолвился об указанной главной идее статьи. Эта дезинформация особенно бросается в глаза, так как в других случаях — например, при защите либеральных идей — Г. Андреев отнюдь не прячет слово в карман. Впрочем, в дальнейшем Г. Андреев нашел более радикальный выход — он совсем перестал писать о статьях с израильской тематикой, заметив при этом: "Разумеется, обозреватель при умалчании руководствуется определенными принципами, однако, информировать о них читателя вряд ли необходимо". ("Русская Мысль", 25-10-84).

Еще один метод цензуры предлагает Нелли Гутина: "Антисемитом следует считать того, кто выступает с антиизраильскими заявлениями, будто в адрес израильского народа, государства или законного правительства, — даже если он сам еврей и слишком уж печется о палестинских правах". ("22" № 38, стр. 219). Похоже, что Н. Гутина, в стремлении сохранить себе захваченное место под израильским солнцем, подрубает сук, на котором сидит. Декларация Бальфура, которая является юридической основой существования Израиля, гласит: "Создание в Палестине национального очага для еврейского народа, причем само собой разумеется, что не будет предпринято ничего, что могло бы причинить ущерб гражданским и религиозным правам существующих нееврейских общин в Палестине или правам и политическому статусу, которыми пользуются евреи в какой-либо другой стране". Действительно, если к изгнанию палестинских арабов прибавить агрессию сионистов против евреев диаспоры, то что останется от Израиля? С другой стороны, по критериям Н. Гутинной, половина израильского народа, голосующая против законного социалистического правительства, оказывается вне закона, как "антисемитская"... Между прочим, евреи из арабских стран выражаются порой очень резко: "Озлобление растет и придет день, когда никто не сможет сдерживать все это под контролем. Настает время, мы поднимаемся с мусорных свалок, и я не завидую тем, кто останется с вами". ("Шалом" № 100, октябрь 1981 года, стр. 11). В общем Н. Гутина, демагогически ссылаясь на арабский вопрос, закрывает глаза себе и другим на основу кризиса — возмущение евреев израильским клерикал-социализмом.

Недавно Ю. Колжар описал типичного израильского активиста из новопривывших — эти слова вполне подходят и для всяких Цензурных Держиморд: "Герой и революционер — нетерпимость к ближнему избличает его точно так же, как верхоглядство склонность к обобщениям и авангардистская самоуверенность. Можно поручиться, что у него была комсомольская юность, что в сионизме он внезапно увидел новое единственно правильное учение... Из арсенала прозелитов — этих непререкаемых пророков, навязчивых и агрессивных... Лидер сопротивления, проявивший незаурядное личное мужество, может оказаться малодушным писателем... Весь тон его, то неоправданно выпендренный, то беспричинно

уничжительный... Опять — та же нетерпимость и та же ложь... Не свободен от завистливой злобы по отношению к своим соплеменникам... Он ничего не помнит — ни национальной истории, ни истории своей жизни в России. Но память — это совесть, и человек, не помнящий своего прошлого, не стеснен в своих поступках и способен совершить страшные вещи". ("22", № 38, стр. 158-162).

Е. КАРМАЗИН

## Языковые Уродства

### КАЛЕДОНИЯ

Снижение культурного уровня коснулось в наши дни не только русской прессы (равно, хотя и по-разному, советской и эмигрантской), но и западной; даже в стране с такими старыми и сильными литературными традициями, как Франция.

В связи с событиями на Новой Каледонии, имя ее стало часто фигурировать на страницах парижских газет; и вот уже — в погоне за краткостью? — одна за другою печатает просто Каледония, и даже жителей ее именует каледонцы. Но Каледония есть древнее имя Шотландии, а каледонцы или каледониане — обитателей сей последней. Равно как, например, у Португалии есть старинное название Лузитания, у Англии — Альбион, у Франции — Галлия, у России — Русь. Все эти обозначения, и производные от них слова, — на своем месте в истории и в поэзии, и допустимы в приподнятой, риторической речи.

Так Беранже адресовался к французам, призывая к борьбе за родину:

О галлы, о франки, вперед!

Так Державин с патриотической гордостью приглашал соотечественников:

Веселися, храбрый Росс!

Однако, нельзя превращать тропический остров на Тихом Океане в ту страну, в честь коей он назван! Новая Зеландия или Новая Англия не то же самое, что Зеландия или Англия; Новый Орлеан — не то же самое, что Орлеан. Правда, что для серого обывателя, в том числе и французского, вообще не понятно, что такое Каледония; но всякая печать, включая и периодическую, должна учить публику, а не идти у оной на поводу.

Что до коренного населения Новой Каледонии, принадлежащего к меланезийской расе, его обычное имя есть канаки. Правда, слово канака в устах французов приняло презрительный характер; что уж тут поделаешь? Туземное-то слово канака значит просто "человек". Можно бы, допустим, выковать для всех, живущих на Новой Каледонии имя новокаледонцы (как говорят же новозеландцы). Каледонцами же, бесспорно, их называть нельзя никак.

Аркадий Рахманов

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 0,13. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 3 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917 Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Correo ARGENTINO Franqueo pagado. Conces.No. 4233 Sucursal 30 (B) Interes general. Conces.No. 3980